

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Пять минут до расплаты
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183980

Аннотация

«По-хорошему, из чувства мужской солидарности, надо было бы спуститься во двор, посочувствовать и помочь Георгию. Тот сейчас трудился над упавшей веткой, кромсая ее ручной ножовкой. Было видно, что споро работают не только руки, но и энергично шевелятся губы Георгия. Зарытое наглухо окно не доносило до ушей Гурова голоса. Однако о том, что конкретно произносил сосед, можно было догадаться без особого труда...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

ПЯТЬ МИНУТ ДО РАСПЛАТЫ

Глава 1

Последние числа октября принесли ненастье и жуткую слякоть.

Как всегда неожиданно для метеорологов и коммунальщиков ночью обильно повалил мокрый снег; температура до утра плясала вокруг нуля.

Снег ложился на провода и деревья, еще толком не сбросившие листву, пытался таять, потом застывал... Тусклое серое утро явило глазам покрытые ледяной коркой провисшие линии электропередачи и обломанные под тяжестью смерзшегося снега ветви старых вязов, растущих во дворе.

Толстая ветка, по размерам более схожая с бревном средних размеров, завалила дворовый проезд, умудрившись сучьями разбить заднее стекло темно-синей «десятки» и помять ее багажник. Стоявший прямо перед ней «Пежо» Гурова не пострадал. Машину только покрыло десятисантиметровым слоем снега, схватившимся сверху тонким ледяным панцирем.

Термометр за окном с утра застыл на отметке плюс три градуса.

С крыш и деревьев потихоньку закапало.

С владельцем пострадавшей «десятки», жившим в соседнем подъезде, Гуров знаком не был. Знал лишь, что зовут его Георгием. Общение ограничивалось инертно-вежливым «доброе утро (день, вечер)» при редких встречах у припаркованных автомобилей.

По-хорошему, из чувства мужской солидарности, надо было бы спуститься во двор, посочувствовать и помочь Георгию. Тот сейчас трудился над упавшей веткой, кромсая ее ручной ножовкой. Было видно, что споро работают не только руки, но и энергично шевелятся губы Георгия. Зарытое наглухо окно не доносило до ушей Гурова голоса. Однако о том, что конкретно произносил сосед, можно было догадаться без особого труда.

Настроение Гурова от настроения хозяина побитой «десятки» отличалось не сильно. Веских причин для хандры вроде бы не было, но по мелочи набиралось достаточно. А тут еще и погода мерзкая...

Две чашки крепкого кофе настроение не поправили, однако подвинули на ремонт настольной лампы. Мария уже недели три просила заняться ее починкой. Надолго Гурова не хватило. Ковыряние отверткой в недрах лампы и осторожное постукивание по корпусу неисправности не выявили. Лев Иванович в сердцах плюнул на это дело и приказал сам себе: «Охолонись!» Затем бросил на стол отвертку и решительно улегся на диван.

Так на нем и пролежал до обеда, бездумно клацая пультом, переключая каналы телевизора в поисках чего-то интересного. Ничего стоящего не обнаружил, однако настроение вроде бы стало приходить в норму. И в этот момент зазвонил телефон.

Пока Гуров тянулся к аппарату, ему помечталось, чтобы звонок был от Марии или же, на худой конец, решил справиться о его здоровье Стас. Но надежды не оправдались. И Мария не напомнила о сегодняшней премьере, где ему обязательно нужно было присутствовать – и не забыть про цветы! И Стас о его здоровье не озаботился – за ним и раньше этого не замечалось.

Трубка заговорила скучным голосом дежурного по управлению. Он сухо и официально сообщил, что полковника Гурова срочно вызывает на службу генерал-лейтенант Орлов.

Настроение Гурова вновь покатило по наклонной. Из ряда вон выходящим событием такой вызов не являлся, но сегодня был вполне логичным – как то лыко в строку...

Высказавшись от души в адрес начальства – и не только Орлова – он с тоской выглянул во двор. Оглядев хмарь небес и слякоть на земле, обреченно вздохнул и начал одеваться.

Побитая непогодой «десятка» ушла в ремонт, давая свободу для маневра. Снег с «Пежо» пришлось убирать руками. Щетка имелась, однако ледяная корка могла поцарапать краску автомобиля. Руки скоро заныли от холода, а ноги в тонких саламандровских туфлях промокли и захлюпали. Переобувание много времени не заняло, но в пробке, несмотря на выходной день, постоять пришлось. За время стояния было еще два звонка на мобильный. Дежурный по управлению настойчиво интересовался его продвижением к цели. Похоже, Гурова на службе ждали с нетерпением. Даже милиционер в будке, открывая шлагбаум, жестом показал, что ему надо спешить. Обложили, словно волка флажками.

Гуров поставил «Пежо» бок в бок с пожилым «Мерседесом» Крячко, в меру злорадно отметив, что выходной испортили не только ему. Настроение от этого сильно не поднялось, однако несколько стабилизировалось.

Стас сидел в кабинете и курил. Судя по окуркам в пепельнице, он уже минут сорок, как прибыл на службу.

– Ты где застрял, Лева? – спросил Станислав. – Орлов уже минимум три телефона сгрыз. Через каждую минуту звонит: «Где Гуров? Гуров еще не приехал? Когда будет Гуров?» Не иначе, влюбился в тебя безоглядно.

– Видел я в гробу такую любовь. Что, без меня жизнь встала? Кроме Гурова в управлении некому работать? Мир прекратил свое брэнное существование? – ядовито спросил Лев Иванович, вешая куртку в шкаф.

– Ну, не то чтобы жизнь совсем встала... – протянул Крячко, оценив накал страстей, кипевших в старшем оперуполномоченном по особо важным делам. – И на меня ты зря злишься. Мой выходной, как легко можно заметить, тоже накрылся... медным тазом. Чего ты, Лева, весь взъерошенный? Что, первый раз нас так дергают? Пора уже и привыкнуть. Хочешь, сигаретой угощу – может, полегчает?

– Да не злюсь я на тебя. Просто настроение сегодня какое-то мерзопакостное, – пошел на попятную Гуров. – С самого утра душу тянет...

– Это не иначе как магнитная буря разыгралась, – нахмурил лоб Крячко. – Ты прогноз на сегодня не слышал? С возрастом, говорят, начинает сказываться. Стареем, брат!

– Ладно тебе, разнылся. Тоже мне старик нашелся, – фыркнул Гуров. – Потопали к шефу. Не в курсе, из-за чего тут пожар разыгрался?

Несмотря на воскресный день, генерал-лейтенант Орлов был облачен в мундир, причем застегнутый на все пуговицы. Наряд в сочетании со сдвинутыми бровями наводил на определенные догадки. Не иначе как имел нынче Петр аудиенцию на самом высоком уровне. А подобные встречи на его характер влияли не лучшим образом. Что-то последнее время Орлов стал сильно задумываться и излишне дорожить своим креслом. Или магнитные бури и на генералов имеют влияние? А может, как Крячко приметил, возраст сказывается...

Орлов не произнес ни слова упрека за долгое ожидание. Он встретил их, стоя у окна. Мотнул подбородком, одновременно здороваясь и указывая на стулья:

– Садитесь.

Гуров и Крячко, по примеру начальника не произнося ни слова, сели на предложенные места и вопросительно подняли глаза на Орлова. Генерал-лейтенант прошел к столу и уселся в кресло.

– Ну что, господа полковники, отдохнули от дел? – бодро и несколько фальшиво спросил Орлов.

– Да уж... – единственно что нашел ответить Крячко. Гуров промолчал, чтобы не сорваться.

– Ну, раз отдохнули, тогда засучивайте рукава, – видя, что не встречает явного сопротивления, удовлетворенно констатировал Орлов. – Труба зовет, и кони бьют копытом! Дело тут прорезалось... как бы выразиться получше... Ну, в общем, щепетильное.

– У нас в управлении только два идиота служат? – негромко, чувствуя, что начинает заводиться, спросил Гуров. – Не успели с одним расплестаться, как ты, Петр, нам очередное «щепетильное» подваливаешь. Мы скоро из оперов «по особо важным» превратимся в специалистов «по особо щепетильным». Из дома в законный выходной выдергиваешь. Или ты нас за Павку Корчагина держишь: «Смены не будет. Но мы-то здесь!» Последние слова Гуров произносил уже на высоких тонах.

– Не нервничай, Лев, – остановил Гурова Орлов. – Дело серьезное и действительно... щепетильное. И кому, кроме вас, такое можно поручить? Ткни пальцем, и я с тобой соглашусь. Мне с вами в дурачка играть некогда. С утра имел встречу с заместителем министра Свириком, и не только с ним... В общем, настоятельно попросили, чтобы было меньше огласки и больше дела. Что такое «настоятельно» – не мне вам объяснять.

– Ну и что же произошло? – уже более миролюбиво буркнул Гуров. Он знал, что с начальством спорить можно, но толку от этого мало. День сегодня явно не сложился, и, возможно, даже хорошо, что его выдернули на службу. А если судить по некоей обреченности в голосе Орлова, вызвал их он не зря. – И если можно, поподробнее.

– Поподробнее узнаете в протоколах, – обрезал его Орлов. – А общая картина такая... Вчера пропал Тимофей Зеленский, двадцати девяти лет, сценарист и режиссер телевизионных программ...

– Очередной деятель культуры на нашу голову! – простонал Крячко.

– Каждую субботу он по давно заведенной традиции приезжал на ужин к своим родителям, – не обращая внимания на реплику Крячко, продолжил Орлов. – Вчера Тим, так называли Тимофея Зеленского близкие, позвонил матери и сообщил, что будет обязательно, но не к шести вечера, как являлся обычно, а немного задержится. На час – не больше. Звонил из дома. Сказал, что только зашел в квартиру. Приведет себя в порядок, переоденется и сразу выедет к ним. Однако он не появился у родителей ни через час, ни через два. Вообще не приехал. Ни домашний телефон, ни мобильник на звонки не отвечали.

– Прием заявлений о пропаже гражданина – по прошествии трех суток... – опять встрял Стас.

– Не умничай и не мешай, – оборвал его Орлов. – Конечно, родители забеспокоились, подняли знакомых Тима, кого они знали, дали ориентировку в милицию, по их просьбе прозвонили по больницам. Поиски с вечера результата не дали. А утром неподалеку от метро «Планерная» в лесопарковой зоне рядом с Химкинским водохранилищем был обнаружен труп. В убитом опознали Тимофея Зеленского.

– Метро «Планерная»... это Тушино, – сориентировался Гуров. – От «районщиков», значит, убийство перекинули на нас. И все из-за того, что этот самый Тим-Тимофей режиссирует на телевидении. Неужели он столь великая звезда отечественного «тиви».

– Если бы... – уныло протянул Орлов. – Фамилия Зеленский вам ни о чем и не говорит?

– Есть вроде бы такое лекарство – капли Зеленского, – нашелся Крячко.

– Капли Зеленина, – поправил Орлов. – Сердечное средство. Возможно, скоро и понадобятся. Потому как Зеленский Олег Эдуардович, отец Тима...

– Неужели!.. – словно от боли поморщился Крячко. У Гурова в памяти всплыло властное бульдожье лицо и в ушах загремел мощный глас. Именно глас – не голос...

– Зеленский Олег Эдуардович, депутат Государственной думы, вице-спикер, руководитель промышленной фракции, и прочая, и прочая... – безжалостно отчеканил Орлов. – Вот почему сегодня я имел честь получать указания по расследованию дела лично от зам-

министра Свирского в присутствии самого Олега Эдуардовича. Дело взято на контроль... – генерал указал пальцем на потолок и выразительно сжал губы.

– Н-да, Лева, залетели мы... – подытожил услышанное Крячко. – Это тебе не плюшки трескать. Папаша убиенного, прямо скажем, не простой слесарь, что обязывает...

– Кстати, Зеленский-старший вел себя очень сдержанно и корректно – и на месте преступления, куда он приехал на опознание, и в кабинете у заместителя министра. Было видно, что Олег Эдуардович сильно переживает, однако крепился и старался не показывать своего горя. Сказал, что готов оказать следствию любую посильную помощь.

– Сказать-то он сказал... – покачал головой Крячко. – Если б это еще и правдой было.

– Кто работал на месте преступления? Какие результаты дал осмотр? Кто из прокуратуры будет заниматься этим делом? – выдал ряд вопросов Гуров. Эмоции и худое настроение как-то сами собой отошли в сторону, уступив место профессионализму.

– Начали, естественно, по местоположению тушинские опера из райотдела, а после идентификации трупа подключились наши. Выехала дежурная группа во главе с капитаном Веселовым. От прокуратуры делом занимается Гойда – вы его хорошо знаете.

– Нормальный мужик, – одобрительно кивнул головой Гуров. – И, главное, палки в колеса совать не будет. Да и Веселов толковый следователь.

– Осмотр тела показал, что в Зеленского дважды стреляли. Одно ранение в бедро, второе – в голову. От второго он и скончался. Оружие брошено на месте преступления. По предварительным данным, убийство произошло между двадцатью и двадцатью двумя часами субботы. Документов и денег у погибшего не обнаружено. Собака след взяла, довела до асфальта и остановилась. Вероятно, убийца в этом месте сел в автомобиль и убыл с места преступления. Около десяти утра труп обнаружил местный житель, прогуливавший там своего пса. Вот основное, что я могу вам сообщить. Остальное найдете в протоколах у Веселова, – коротко обрисовал обстановку Орлов. – Какие будут вопросы?

– Неужели заказное? Оружие брошено на месте... Но рана в бедро? И деньги с документами пропали. Непрофессионально сработано, – наморщил лоб Гуров.

– Вряд ли там замешан специалист, – покачал головой Орлов. – Оружие уж больно специфическое – «наган».

– Нормально! – присвистнул Крячко. – Точно, не профессор работал. Давненько я с «наганом» не встречался. Нынче шпалеры попадают все больше «глоки» да «беретты», на крайний случай «тульский Токарева». А тут «наган»! Прямо мезальянс какой-то... А окрестные жители случайно вчера вечером не видели, чтобы пролетка по Тушину развезжала на рессорах и с граммофоном?

– Насчет пролетки разбирайтесь сами. А вот уж иголки граммофонные для клизмы я вам гарантирую, – расвирипел Орлов. – Хватит болтать, подключайтесь к работе. Веселов на время следствия прикомандирован к вам. Он с Гойдой в кабинете у капитана. Только вернулись с осмотра места происшествия. Если для следствия понадобятся дополнительные силы и средства, будем изыскивать резервы.

– Что-то с трудом верится насчет резервов, – бормотнул себе под нос Крячко.

– Вопрос на засыпку, хотя ответ предвидится... Естественно, родственников убитого, особенно Зеленского-старшего, тревожить ни в коем случае нельзя, а если появится необходимость, то за две недели записываться у секретаря? – с кислой миной на лице спросил Гуров.

– Отнюдь. Олег Эдуардович сказал, если нужна его помощь, он в любое время суток готов встретиться с вами. Вот его прямой номер мобильного. Позвоните, назовете себя... Он в курсе, кто занимается делом. – Генерал Орлов протянул Гурову визитку с подчеркнутым номером телефона. – Еще вопросы есть? Нет? Тогда принимайте материалы у Веселова и входите в контакт с Гойдой. Сегодня к вечеру план оперативно-розыскных мероприятий

должен лежать у меня на столе. Я обязан быть в курсе всего, чем вы занимаетесь. Докладываете о результатах расследования мне лично. Утром ровно в девять и вечером в восемнадцать. Что появится серьезное – доклад немедленно! Вперед, господа полковники! Шашки наголо и аллюр три креста!

Бодрый призыв уныло повис в воздухе без ответа. Генерал помолчал, отвернувшись к окну, а потом негромко и несколько расстроено попросил:

– Вы уж, ребятки, меня не подведите...

Глава 2

Гойда и Веселов сидели за столом в кабинете у капитана и пили чай из больших бокалов. Веселов, заступая на дежурство, похоже, предвидел погодные капризы. На стуле в углу лежал теплый серый бушлат, а на ногах его красовались форменные ботинки с берцами и на толстой подошве. Гойда, видимо, как и Гуров, выходя из дома, недооценил пакостей природы и выскочил в осенних, но легких, не для снега и грязи, туфлях и короткой щегольской кожаной курточке без подстежки.

Соответственно, и внешний вид их значительно различался. Посиневший нос Гойды вкупе с еще не отошедшими с холода серыми губами и скрюченными красными пальцами, обхватившими горячий бокал, резко контрастировали со здоровым во всю щеку – кровь с молоком – румянцем Веселова. Капитану было чуть за тридцать. Как следователь он подавал хорошие надежды. И с мозгами у него было в порядке, и работал с желанием. И как исполнитель – таких поискать...

– Привет, Саша, – поздоровался с капитаном Гуров. – И ты, Игорь, здравствуй. Господин прокуратор, а с вами, голубчик, что случилось – чтой-то вы в лице переменялись... – он вспомнил слова Райкина из давней миниатюры.

– Н-не прокуратор – п-прокурор... Прокуратору-то в Иудее куда как хорошо было: тепло, пальмы... З-замерз, никак не отогреюсь, – горько пожаловался Гойда.

– Моя бабушка всегда говорила, что одеваться надо по погоде, а не модничать, – настаивательно поведал Крячко. – Не все нам, сирым, по морозу гоняться. И прокурорской интеллигенции иногда по свежему воздуху пробежаться полезно. Ну, что там накопили – доброго и интересного?

– Не учите меня жить, – парировал Гойда. – Отсиделись, полковники, в тепле и уюте, все на нас с капитаном повесили. На готовое явились? А нет у нас ничего – ни доброго, ни интересного. Одна слякоть – и на улице, и в голове. Я пока в себя приду, а капитан вам доложит, что мы раскопали.

Сверх того, что рассказал Гурову и Крячко генерал, Веселов добавил совсем немного. Труп Тима Зеленского был найден в лесопосадке у Химкинского водохранилища, но не у воды, а рядом с проезжей частью улицы Свободы. Его не привезли мертвым и не бросили – убийство произошло на месте. Следы произошедшего отпечатались в грязи, и снегом их почти не прикрыло. В Тушино снег ночью выпал не слишком обильный, не такой, как в центре, – велика Москва!

Стреляли дважды. Причем не подряд – между выстрелами прошло некоторое время. Зеленский прополз после ранения в бедро около четырех метров. Смертельный выстрел был сделан в упор в висок. Кроме этого, на лице убитого видны кровоподтеки и ссадины. Остальные подробности будут известны после вскрытия. «Наган» отправили на экспертизу в лабораторию. В его барабане остались неиспользованными четыре патрона. Три гильзы пустые. Две пули, предположительно, были выпущены в Зеленского, одна – под вопросом. Возможно – до убийства, а может, ушла в «молоко» и ее просто не нашли.

Опрашивать и искать свидетелей поручили участковому. Однако надежды мало. Жилые дома от места преступления находятся на приличном удалении. Если и проезжали в момент преступления мимо машины, с дороги за деревьями в темноте ничего не увидишь. И погода вчера стояла ветреная, шумная. Выстрелы вряд ли кто слышал.

– Следы-то не сильно затоптали? Собачник, что нашел убитого, тушинские оперативники – народу до вашего приезда прошло много, – поинтересовался Гуров, читая протокол осмотра места происшествия.

– Следы есть и довольно четкие. Отпечатки сняли, фотографии через полчаса обещали изготовить. Обувь на гладкой подошве, каблук сильно сточен, размер ноги – сорок два с половиной, – доложил Веселов. – Кинолог с собакой дошел до асфальта, и далее след пропал.

– Знаю, слышал... – кивнул рассеянно Гуров. – Преступник, вероятно, уехал на машине. Кстати, а на чем туда приехал сам Зеленский? Его туда привез убийца, или же он своим ходом добирался? И вообще, за каким лешим Зеленский, собираясь к родителям на Фрунзенскую набережную, вдруг оказался в противоположном конце Москвы? «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...»

– По машине Зеленского данные есть. Темно-синяя «Ауди», номер я записал. Сейчас уточняют ее местонахождение. Гаража и стоянки у погибшего не было, он обычно оставлял ее у подъезда. Я распорядился это проверить. Если сейчас «Ауди» у дома отсутствует, будем объявлять машину в розыск, – доложил Веселов.

– Логично, – утвердительно кивнул головой Гуров и протянул листы протокола Крячко. – Почитай внимательно, Стас, может, что-то интересное найдешь. Похоже, по горячим следам нам прошагать не удастся...

– Следы только холодные, это я на своей шкуре испытал, – отставив пустой бокал, подтвердил отогревшийся Гойда. – Ну, вроде бы чуть-чуть отогрелся. И от лампас отошел. Видел бы ты, Лев Иванович, сколько генералов и ответработников за нашими с Александром спинами стояло. Прямо заградотряд, только без пулеметов. Следы убийцы не от тушинских оперов беречь пришлось, а от начальников всех видов и мастей. Перед старшим Зеленским оный генералитет клялся и божился, что не пожалеет сил и самой жизни для раскрытия преступления. Потом разъехались восвояси с чувством выполненного долга. Знакомая картина? Ну да ладно, не в первый раз такое видим. Какие планы на ближайшее будущее, господа полковники? Подумайте, с ответом не тороплю.

– Ключи? – неожиданно спросил Гуров, вполуха прослушавший жалобы замерзшего прокурорского работника.

– Какие ключи? – не понял его Гойда.

– У убитого Зеленского не нашли ни документов, ни денег. А ключи были? От квартиры, от машины... – нетерпеливо спросил Гуров. – Мобильник, часы?..

– Не было ключей. Деньги, мелкие купюры, около пятидесяти рублей, в карманах остались. Часы золотые швейцарские «Тиссо» и заколку на галстук, тоже золотую, не сняли. Мобильный телефон валялся втоптаным в грязь, – доложил Веселов. – В протоколе все указано...

– Деньги, деньги, деньги... – забарабанил пальцами по столу Гуров. – Надо немедленно проверить счета Зеленского. Естественно, если они у него есть... И блокировать.

– Кредитные карточки? – догадался Крячко.

– Да, возможно, вместе с документами и наличными деньгами похищены и кредитки. Картина преступления какая-то странная – нелогичная, неправильная, – покачал головой Гуров. – Если заказное – непрофессионально. Если это банальное убийство с целью ограбления, то почему оставили на трупе дорогие часы, золотую заколку, а к ним еще – брошенное оружие. А еще и «наган» этот дурацкий... И зачем Зеленского занесло в Тушино? Дурь какая-то из всех щелей лезет... Как у меня сегодня день тоскливо начался, так дальше валиком бестолково и покатился!

– Надо поднимать знакомства и связи Зеленского, – подал голос Крячко. – Он, кстати, был женат? Дети, внуки, теща, золовка, шурин, любовница имеются? Где он проживал?

– Ну когда же можно было все успеть? Только же приехали, – развел руками Веселов. – Домашний адрес Зеленского в протоколе указан – улица Сущевский вал. Номер дома и квартиры не помню, но там все записано со слов его отца. Он же сообщил, что Тим был холост...

– Срочно произвести осмотр квартиры Зеленского... – задумчиво, но не терпящим возражений тоном сказал Гуров.

– Ну, я вижу, что следствие идет верным путем, – подытожил реплики полковников Гойда. – Только, зная вас, как работник прокуратуры прошу и требую соблюдать законность. И насчет осмотра квартиры тоже. Без решения суда...

– А если родственники попросят посмотреть, – усмехнулся Гуров. – Пригласят...

– Тогда можно, – великодушно согласился Гойда. – Я вас предупредил. В общем, я поехал к себе. Будут трудности, сделаем все возможное, а может быть, и невозможное для их разрешения. А сам я попробую поднять биографию Зеленского. Посмотрим, какие следы на планете Земля Тимофеем Олегович оставил за прошедшие с его рождения двадцать девять лет.

Телефонный звонок Зеленскому-старшему был сделан Гуровым после некоторых колебаний. Тревожить отца спустя несколько часов, как он узнал о смерти сына и увидел его мертвым, было жестоко, но ничего другого не оставалось. Набрал номер, подчеркнутый в визитке, Гуров выслушал несколько длинных гудков и хотел уже положить трубку. Однако в этот момент телефонная диафрагма тихо щелкнула и глухой мужской голос произнес:

– Я вас слушаю.

Тембр говорившего совсем не был схож с громогласным басом трибуна, который доводилось выслушивать Гурову едва ли не ежедневно в теленовостях. Редкое заседание Государственной думы обходилось без яркого и энергичного выступления Олега Эдуардовича Зеленского, без пощадки громившего всех и вся, полемизировавшего с депутатами по любому обсуждавшемуся вопросу. Сейчас Лев Иванович услышал голос пожилого и очень усталого человека. Он даже на секунду усомнился, сам ли Зеленский откликнулся на его звонок.

– Добрый день. С вами говорит полковник Гуров. Я веду дело... – представился Лев Иванович.

– Я знаю. Что вы хотите? – прервал его Зеленский.

– Мне надо срочно осмотреть квартиру, где жил ваш сын. Не могли бы вы распорядиться, чтобы кто-то из родственников мог ее открыть и показать? Видите ли, у пострадавшего пропали ключи...

– Не надо ничего объяснять. Раз это необходимо, значит, так и будет. Из близких людей у Тима остались я и его мать. Мы приехать, естественно, не сможем. В семнадцать часов у его дома на Сущевском валу вас будут ждать домработница Тимофея и мой помощник. Они откроют квартиру и все покажут. Еще что-то у вас есть ко мне?

– Спасибо, больше ничего. Единственная просьба, чтобы без нас в квартиру никто не заходил, – попросил Гуров.

– Я передам... – глухо и безразлично произнес Зеленский, заканчивая разговор.

Дело было сделано. Гуров ждал худшего – отказа или переноса времени на понедельник, однако все прошло как нельзя лучше, если так можно охарактеризовать разговор с отцом, потерявшим сына. До семнадцати оставалось два с половиной часа. Лев Иванович решил лично посетить место убийства Зеленского. Протоколы протоколами, фотографии – фотографиями, но он привык топтать тропинки своими ногами. Тем более что другого занятия Гуров себе пока не находил.

Подчиненные были заняты делом и пахали, как пчелки. Стас висел на телефоне, пытаясь выяснить наличие банковских счетов у Тима Зеленского и пользовался ли он кредитными карточками. И в случае подтверждения о наличии таковых – а они, вероятнее всего, существовали – необходимо было счета заблокировать. Эта задача для воскресного дня представлялась теоретически нерешаемой, однако практически возможной. Веселов пробивал работу Зеленского на телевидении и его знакомых, что также было делом весьма и весьма нелегким и кропотливым.

Вторая половина воскресного дня не самое лучшее время для активного ведения следствия. Это Гуров усвоил давно. Граждане отдыхают, готовясь к напряженной трудовой неделе. На присутственных местах висят амбарные замки и таблички «Закрыто». Любое вторжение в личную жизнь в этот период воспринимается с глубокой обидой и может спровоцировать серьезный нервный срыв. Можно тревожить человека в субботу, в крайнем случае, в воскресенье с утра, но послеобеденный предпонеделничный отдых – дело более чем святое.

Этот постулат, правда, не касается милиционеров и военных. Для них календарные выходные и праздники чаще всего оборачиваются трудовыми буднями, а нередко – периодами повышенной бдительности при полном параде. Есть даже общая для людей в погонах поговорка: «Для военного (милиционера) праздник, как для лошади свадьба: голова в цветах, а филейная часть в мыле».

Однако там, где жизнь на уик-энд не умерла, можно поработать с пользой. Подсознательно, привлеченные к работе в выходной, люди несколько расслабляются в отсутствие начальства и считают себя несправедливо обиженными. Пусть даже за день воскресной работы им причитается два дня отдыха, или их график вообще: сутки дежурства – и трое – отдыха. Однако обида и раздражение на несправедливость судьбы и начальства остаются. И поэтому, хотя и сквозит в их речи некоторое недовольство, бывают они разговорчивыми и откровенными в словах и оценках.

Участковый уполномоченный, немолодой капитан, относился к категории государевых служивых, для которых что среда, что воскресенье – все едино. Ему было поручено на вверенном объекте провести опрос жителей на предмет, что они слышали и видели в пасмурный вечер убийства.

Капитан, приметив стоящий около места преступления «Пежо» Гурова и его самого, высматривающего следы преступления в окрестной слякоти, проявил бдительность и не замедлил там появиться. Вид у участкового был весьма строгий, а взгляд – подозрительный. Может, он и правда думал, что в полосу его ответственности внедрился преступник, которого, как утверждают психиатры, тянет на место преступления. Но Гуров склонялся к другой, более понятной и банальной версии. Старый и мудрый воин по опыту знал, что преступнику здесь особо делать нечего, а вот начальникам всех рангов и мастей отметиться надо обязательно – лучше поздно, чем никогда. А у старшего начальника нужно отметиться младшему, наглядно показав свое трудолюбие и бдительность.

После короткого разбирательства «ху из ху» участковый представился капитаном Ивановым и доложил, что обход окрестных домов свидетелей произошедшего накануне преступления не выявил. Однако был один человек, дежурный по автостоянке, который вроде бы слышал выстрелы около восьми часов вечера. И если товарищ полковник желает с ним побеседовать, Сан Саныч – так уважительно назвал дежурного участковый, видимо, знакомый с ним – пока еще на стоянке, но уже через полчаса с дежурства сменяется.

Гуров осмотр места происшествия уже закончил. Ничего особо полезного для себя он не почерпнул. Протоколы и фотографии качественно отражали картину преступления. Просто сейчас их содержание приобрело трехмерное изображение, которое было жизненно необходимо Льву Ивановичу. Он не умел работать в виртуальном пространстве.

Вместе с участковым Ивановым Гуров на «Пежо» подкатил к воротам автостоянки, отстоявшей от места убийства метров как минимум на семьсот. Вчерашнее буйное и шумное ненастье и столь неблизкое расстояние вызвали у Льва Ивановича большие сомнения в правдоподобности заявления дежурного.

По металлической лестнице они поднялись на второй этаж бетонного куба-скворечника. Невысокий плотный старичок-боровичок в теплой камуфляжной куртке встретил их, в полном соответствии с комплексом воскресного дня, неласково. Он с ходу заявил, что

искренне уважает Сергеича – надо думать, участкового, – однако свободных мест на стоянке нет. Вероятно, дедок принял Гурова с его «Пежо» за просителя места, а участкового – за авторитетного ходатая по существу просьбы. После столь резкого отказа Сан Саныч перескочил на тему теплой спецодежды, которую обещал выдать хозяин стоянки, однако не выдал, что говорит о его крайнем жлобстве и прямой принадлежности к российской олигархической верхушке.

Еще Гуров выслушал жалобу на сменщика Сан Саныча, который некачественно наводит порядок на стоянке, и за ним приходится замечать мусор – а впереди зима и снег! – и после этого представился. Он отметил, что при произнесении им звания «полковник» боровичок привычно и отработанно подтянул живот и подал вверх грудь. Было похоже, что со званиями Сан Саныч знаком не понаслышке, а отсюда следовало, что он реально мог отличить выстрел из «нагана» от взрыва пацанами петарды или треска сломавшейся от ветра ветки.

Догадки Гурова оказались верными. Бравый старичок-боровичок оказался прапорщиком в отставке, уже более двадцати годков совмещающим пенсию с посильными трудовыми буднями. Последние три года Сан Саныч работал сторожем на этой стоянке. По вчерашнему случаю он доложил, что выстрелы были услышаны им вчера вечером в период с девятнадцати пятидесяти до двадцати часов ровно. Время дежурный запомнил, потому что ровно в восемь собирался прослушать вечерние новости по именному транзисторному приемнику «Океан», подаренному ему лично маршалом Куликовым, командующим ГСВГ, за успехи в боевой и политической подготовке. Никелированная табличка с надписью, привинченная к приемнику, стоявшему на столе, подтверждала слова старого служаки.

Испытывая некие естественные позывы, чтобы не сорвать сеанс новостей, он решил опередить события и заблаговременно отправился до ветру. Когда Сан Саныч спускался по лестнице, до его слуха донесся первый выстрел. Звук был неблизкий и едва слышимый. В какой стороне он прозвучал, определить было трудно, так как ветер дул беспорядочно и порывами. То, что это был именно выстрел, старый боец не сомневался. Он их слышал на своем веку достаточно и отличить хлесткий «пиу» выстрела из пистолета от громкого и бестолкового «бум» петарды для него особого труда не представляло. Попытку скатывания разговора к теме бардака в стране, наглости мафии со стрельбой среди бела дня и засилью коррупции Гуров безжалостно пресек, направив мысли Сан Саныча в нужное для следствия русло.

Второй выстрел, по словам отставника, был слышен в тот момент, когда он, завершив необходимые дела, поднялся на вышку и взялся за ручку двери в дежурку. Сразу или почти сразу по приходу Сан Саныч сел слушать новости. Выстрелов он не испугался, так как сегодня неизвестно, что страшнее – быть убитым или жить. И кроме того, дежурка оснащена кнопкой вызова милицейской охраны. А вообще, раньше был порядок и дисциплина.

Отстранившись от болтовни старичка, Лев Иванович проиграл в уме то, что услышал. Не верить рассказу дежурного поводов не было, тем более что убийство Зеленского предположительно произошло именно в это время. В результате нехитрых расчетов скорости движения Сан Саныча от места несения службы до отхожего места и обратно, а также соответствующих цели похода процессов Гуров пришел к выводу, что интервал между выстрелами составлял не менее восьми минут.

Это открытие внесло еще большую сумятицу в беспорядочность и нелогичность картины преступления. Зеленский, собираясь в гости к родителям на Фрунзенскую набережную, оказывается на окраине Москвы, в Тушино. В него стреляют, ранят в бедро и примерно через восемь минут добивают вторым выстрелом.

Зачем и кому были нужны эти минуты жизни Тимофея Зеленского?

Кому, в принципе, понятно – естественно, убийце. Но зачем? Обчистить карманы жертвы хватило бы и сорока секунд. Выходит, преступнику был необходим этот интервал между выстрелами. Зачем? Он рисковал, оставаясь на месте после первого выстрела, однако же остался... Убийца и жертва, истекающая кровью, о чем-то беседовали? Через несколько минут Тиму Зеленскому подносят дуло к виску и стреляют в упор... Наган с четырьмя патронами преступник бросает и скрывается в темной ночи на автомобиле. На «Ауди» Зеленского или на своей машине? Вопросы, одни вопросы – и никаких ответов!

Глава 3

Во двор дома на Сушевском валу Гуров въехал без одной минуты пять. У второго подъезда «сталинки» его дожидались те, кого он хотел видеть. Стас Крячко неторопливо прохаживался перед капотом своего заезженного «Мерседеса», изредка задумчиво поглядывая на не выражавшую особой радости и энтузиазма парочку, смиренно стоявшую на тротуаре.

Опрятно одетая круглолицая полная женщина в пуховике и серой вязаной шапочке, с пакетом в руках, возрастом где-то сразу за пятьдесят, выглядела более испуганной и растерянной, чем ее спутник. Она теребила в руках носовой платок, часто поднося его к лицу и протирая уголком то кончики губ, то виски. Молодой человек в длинном темном велюровом плаще и с кожаной папкой в руках, лет двадцати пяти, морщил лоб и нетерпеливо смотрел то на Крячко, то на наручные часы. Надо полагать, это были, как и обещал старший Зеленский, его помощник и домработница Тимофея.

Крячко, заметив выехавшую из-за угла машину Гурова, махнул ему рукой. Лев Иванович припарковал «Пежо», почти уткнувшись решеткой радиатора в задний бампер «Мерседеса». Крячко официальным басом представил Льва Ивановича присутствующим:

– Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров Лев Иванович.

Произнося должность, Стас сделал ударение на слове «особо», отчего женщина испуганно округлила глаза и стала нервно отирать платочком щеки, а вот молодой человек повел себя иначе – несколько раздраженно и высокомерно дернул головой. Крячко представил женщину:

– Татьяна Владимировна, домашняя хозяйка Тимофея Зеленского.

– Домработница, – автоматически поправила Крячко женщина и испуганно прикрыла ладошкой рот.

Молодой человек, задрав подбородок, сухо представился сам:

– Помощник депутата Государственной думы Зеленского Олега Эдуардовича Якушин Дмитрий Ростиславович. Видите ли, – он задрал рукав и аккуратно постучал указательным пальцем по стеклу часов, – у меня сегодня со временем напряженно...

Гуров решил с ходу осадить мальчика. Он наморщил лоб и немного дурашливо переспросил:

– Помощник, это как? Подай-принеси, что ли? И если можно, чуть короче с регалиями, а то я и без них в именах часто путаюсь. Так как вас правильно кличут: Дмитрий Олегович или Эдуард Ростиславович?

Молодой человек не ожидал такой реакции. Он по-мальчишески ступешался, чем скинул с возраста лет пять, и несколько растерянно повторил:

– Меня зовут Дмитрием... Ростиславовичем Якушиным.

– Вот теперь мне все понятно, – радостно констатировал Гуров. – Коротко и без путаницы – Дмитрий. А я просто Лев Иванович. Обойдемся без званий. С полковником Крячко вы уже познакомились? Его имя-отчество...

– Просто Станислав, – перебил его Крячко.

– Можно звать просто Станиславом, – согласился Гуров. – Мы, с вашего разрешения, с ним чуть-чуть пошепчемся – накопились кое-какие дела. Вы уж поскучайте минуточку без нас...

Гуров и Крячко отошли на несколько шагов в сторону.

– Что узнал, что сделал? – коротко спросил Лев Иванович.

– Обнаружился счет Зеленского в банке. Официально все подробности по нему можно будет получить только завтра. А неофициально могу сообщить, что прошлой ночью со счета

через банкомат была снята некая сумма. Как я получил эту информацию, лучше не спрашивай!

– Вот даже как? – задумался Гуров. – Значит, потянулась ниточка... И что же будем делать?

– До утра потерпим. Без санкции суда банк нас на порог не пустит. Даже если и попытаемся поднять на ратный подвиг банковских клерков, потратим массу сил и энергии, а выиграем не более двух часов. С утра одновременно предупредим их, чтобы готовились, и получим санкцию суда. Может, придется просить разрешение не только на доступ к банковским тайнам, но и квартирным, чтобы все было официально... – мотнул головой Крячко в сторону дома.

– Ты, Стас, наверное, прав, хотя засвербило – аж мочи нет, – мечтательно сказал Гуров. – Однако придется подождать до завтра... Еще что-то у тебя есть?

– «Ауди» Зеленского подали в розыск. У дома, как видишь, – Крячко широко повел рукой вокруг себя, – машины данной марки не наблюдается. Вот, пожалуй, и все.

– У меня тоже кое-какая информация появилась. Правда, толку от нее мало. Еще больше путает картину, – скептически поджал губы Гуров. – Между первым и вторым выстрелом в Зеленского прошло как минимум восемь минут. Вот такие пироги...

– В принципе, можно объяснить, – наморщил лоб Крячко. – Время, чтобы обчистить карманы, необходимо? А выпытать код кредитной карточки?..

– Две минуты, пускай три... – согласился Гуров. – Вряд ли Зеленский разыгрывал из себя Зою Космодемьянскую под дулом пистолета, уже заполучив одну пулю в бедро. Остается еще не меньше четырех минут. Куда их деть? Есть версии?

– Пока отсутствуют, – легко сдался Крячко. – А гадать на кофейной гуще не в моих правилах.

– Вот и мне пока ничего толкового в голову не лезет, – вздохнул Гуров. – Ладно, не будем зря терять время. И народ застоялся... Ну что, господа, – обратился он к помощнику Зеленского и домработнице. – Наверное, пришла пора подняться в квартиру Тимофея Олеговича. Татьяна Владимировна, ключи от двери у вас?

Женщина засуетилась и полезла в пластиковый пакет. Гуров остановил ее:

– Пожалуйста, не спешите и не волнуйтесь. Потом достанете, у дверей. И примите мой совет: в таких сомнительных сумочках ключи и кошельки лучше не носить. Если пакет сам не порвется, так в автобусе в давке какой-нибудь карманник обязательно вытянет. Знаете, сколько их сейчас развелось?

Домработница часто закивала:

– Да, у моей подруги недавно в троллейбусе...

– Про подругу потом, – остановил женщину Крячко. – У меня к вам вопрос. Вы когда последний раз убирались в квартире Зеленского?

– В пятницу. Я прихожу по понедельникам, средам и пятницам. В среду генеральная уборка, а по понедельникам и пятницам только пылесосю и протираю полы, – доложила женщина.

– Все понятно, больше вопросов нет, – улыбнулся Гуров, подхватил ее под локоть и повел к подъезду. – Сейчас мы с вами займемся другим делом. Более важным, хотя, может, и не очень приятным. Как поется: вперед и вверх, а там...

Крячко и помощник Дмитрий двинулись за ними. Лев Иванович на ходу внимательно оглядел здание. Оно представляло собой классический вариант дома времен конца сороковых – начала пятидесятых годов. Сталинский ампи́р с мощной лепниной на фасаде и голая, не очень аккуратная кладка из силикатного кирпича, смотрящая во двор, были обычным делом. Часть широких окон уже белела пластиком, но в основном рамы оставались деревян-

ными и крашеными. Этот дом, похоже, к разряду элитных не принадлежал, хотя и числился не в последних. Сумерки уже брали свое и кое-где за шторами горел свет.

Гуров пробежал глазами по окнам. На втором этаже колыхнулась занавеска, и ее уголок отошел в сторону. Глаза Льва Ивановича встретились с глазами пожилой женщины. Можно даже сказать – очень старой. Она застыла в окошке сухоньким лицом, кротко и внимательно оглядывая идущих к подъезду людей.

Старый лифт с металлической громкой дверью неспешно вознес их на четвертый этаж. Домработница вышла на лестничную площадку первой и привычно повернула налево. На ходу достав связку ключей из пакета, она подошла к массивной деревянной двери и попыталась вставить один из ключей в замочную скважину. Крячко перехватил ее руку и добродушно сказал:

– Какая же вы прыткая, Татьяна Владимировна! Погодите немного...

– Люди торопятся, а потому ошибаются, – поддержал его Гуров. – Одну секундочку, мы посмотрим, все ли в порядке с дверью.

Сначала он сам осмотрел замки, потом уступил место Крячко. Видимых следов взлома не выявлялось. В общем-то, Гуров и не рассчитывал их увидеть. Ключей у убитого Зеленского не обнаружили, следовательно, если преступник и проник в его квартиру, то, без сомнения, дверь топором не крушил, фомкой косяк не отжимал и отмычками замок не терзал.

– Я вас попрошу, уважаемые, – обратился Гуров к домохозяйке и помощнику, – когда зайдете в квартиру, ничего не трогайте, с места не сдвигайте и не роняйте. Можно и нужно внимательно смотреть по сторонам и отвечать на наши вопросы. Всем все понятно? Тогда, Татьяна Владимировна, открывайте дверь.

– Я боюсь, – неожиданно задрожала губами домработница и прижала руки с зажатыми ключами и сумкой к груди. Похоже, до женщины наконец дошло, что случилось с хозяином и зачем она здесь находится.

– Бояться вам нечего. Тимофею Олеговичу уже не поможешь, и в квартире преступник не засел, нас ожидающий. Это самый обычный осмотр. Мы просто пройдем и поглядим, все ли там на месте или что-то исчезло, – попытался успокоить ее Гуров.

– Н-не могу, – с трудом ответила женщина, и ее глаза быстро налились слезами.

– Тогда прошу вас, – повернулся к помощнику Гуров. – Мы сегодня выступаем в роли гостей, поэтому открыть дверь нужно кому-то из родных или близких Тимофея Зеленского, – пояснил Лев Иванович. – И пригласить нас... Таковы уж формальности.

– Но я же не близкий и не родственник, – удивился помощник.

– Вы прибыли по поручению родственников, поэтому имеете на это право. Да открывайте скорее, – рассердился Гуров.

Молодой человек безразлично пожал плечами и взял связку ключей из рук домработницы. Он быстро нашел нужный, вставил его в замочную скважину, повернул и открыл дверь. За ней показалась еще одна, металлическая. Несмотря на то, что на ней красовались три добротных замка, ни на один из них дверь закрыта не была и более того – зияла щелью.

Помощник удивленно вытянул шею, глядя на темнеющий прогал, а потом повернулся, вопросительно взглянул на полковника и, догадавшись, что нужно сделать, шагнул назад.

Гуров многозначительно переглянулся с Крячко. После двадцати лет совместной службы они понимали друг друга без слов. Крячко шагнул вперед, занял место слева от двери и мягко отстранил в сторону помощника депутата.

– Татьяна Владимировна, подскажите: Тимофей Олегович часто оставлял железную дверь незапертой? – спросил Гуров.

– Да вроде никогда не оставлял, – ответила домработница. – Я такого не помню. Может, не на все замки закрывал, но так, чтобы открытой оставить – никогда не было.

– Спасибо за информацию. Ну что, можно нам войти? – вежливо через плечо спросил Гуров.

– Пожалуйста, проходите, – безразлично согласился молодой человек, видимо, усвоивший необходимость своего присутствия.

– Татьяна Владимировна, подскажите, пожалуйста: в каком месте в прихожей расположен выключатель? – шагнув через порог квартиры, не оборачиваясь, спросил Гуров.

– На стене слева, только руку протяните, – подсказала домработница.

Гуров нашарил рукой выключатель и зажег в прихожей свет. Бра осветил небольшой уютный холл с встроенными шкафами и изящным полированным столиком на изогнутых резных ножках.

Пол был застелен однотонным серым ковролином. Из прихожей широкий коридор с выходящими в него дверями уходил в глубь квартиры так далеко, что его окончание терялось в полумраке. Жилище Тима Зеленского малым метражом явно не страдало, хотя и являлось пристанищем холостяка.

На столике в холле стоял телефон «Панасоник». Рядом лежала аккуратная стопка корреспонденции – все больше рекламные проспекты и газеты. Сверху примостилась пара нераспечатанных писем. В уголке у самого порога сиротливо приткнулись комнатные тапочки. Больше глазу остановиться было не на чем.

Ковролин с виду казался чистым. По крайней мере, явных или скрытых следов Гуров на нем не обнаружил. Он шагнул вперед, давая место Крячко. Станиславу вполне хватило десяти секунд, чтобы пробежать взглядом по прихожей, после чего он негромко бормотнул для себя или для Гурова что-то вроде:

– Нет проблем... – Потом Крячко обернулся и пригласил в квартиру домработницу и помощника.

– Напоминаю всем: ничего руками не трогать, с места не сдвигать, не ронять, только смотреть и замечать неладное, если таковое увидите, – еще раз проинструктировал их Гуров и обратился к домработнице: – Я тоже, как видите, ничего не трогаю и даже за ручку двери берусь, обернув ладонь носовым платком. Татьяна Владимировна, подскажите, какое расположение комнат в квартире?

– А вот сразу за прихожей слева кухня, вернее, столовая, а за ней кладовая. В кладовую ход из коридора и из кухни. Вот эта дверь справа – в гостиную. Дальше будет кабинет Тимофея Олеговича, а как раз напротив кабинета – его личная спальня и далее еще одна – гостевая. Вот и вся квартира.

– Кто бы подумал – всего лишь четырехкомнатная, а конца и края не видать, – усмехнулся Стас.

– Большая жилплощадь, – согласилась домработница. – Тут, говорят, раньше профессор известный жил. Чуть ли не Герой Социалистического Труда и какой-то там лауреат. Таблички с улицы на стене видели: «В этом доме жил...»? На одной из них про бывшего хозяина и написано. Говорят, что он...

– Про профессора поговорим потом. Сейчас слушай мою команду, – скомандовал Лев Иванович. – Все чинно и спокойно следуют за мной. Будем по порядку осматривать комнаты. Слева у нас столовая. Зажигаем свет. А вот и выключатель. Смотрим. Приличная столовая, потянет на поле для гольфа. Татьяна Владимировна, что-то непривычное вы видите? Может, беспорядок какой? Все как обычно? Посуда в раковине... Ну, это не криминал, хотя в дальнейшем, может, и понадобится узнать, кто из нее ел-пил. Всегда так оставлял? Значит, все в порядке! Двигаем дальше. Следующая остановка – кладовая. Не торопясь смотрим, все вокруг замечаем. Ничего подозрительного не видно? Имуущество, банки – на месте?

Тогда шагаем далее.

Крячко замыкал шествие и в помещения не заходил, оставаясь в дверях. Хотя он так же, как и другие, внимательно оглядывал комнату, коридор оставался под его наблюдением. Поход по квартире продолжался.

– А вот гостиная. Осторожно, здесь ступеньки. Планировка старая, а ремонт качественный. Рояль какой интересный. От прежнего владельца в наследство достался или же сам Тимофей Олегович на нем музицировал? При вас никогда не садился? Значит, от профессора перешел...

Предпоследним объектом осмотра оказалась спальня хозяина. Пожалуй, она была наиболее обитаемым уголком в квартире и, более того, оказалась тем местом, где подозрения сыщиков обрели реальность.

Распахнутая дверь зеркального шкафа-купе, небрежно висевшие на стуле брюки и рубашка рассказывали всего лишь о скорых сборах Зеленского. И покрывало, наспех брошенное на широкую двуспальную кровать, выдавало обычную мужскую неаккуратность. Было заметно, что уже после того, как его постелили, на нем и сидели, и лежали, а возможно, и стояли. А стояли, потому что к картине над кроватью подобраться иначе было нельзя...

Пейзаж в пастельных тонах со сжатым полем, одиноким деревом и повозкой,двигающейся из ниоткуда в никуда, висевший над кроватью, в настоящее время являл вид открытой дверцы. Рама была прикреплена петлями к стене с одного края. Картина, кроме художественной ценности, если таковая действительно имела, дополнительно выполняла роль ширмы для стенного сейфа. Сам же сейф в настоящее время вид имел совершенно пакостный. Он был распахнут настежь, и ключи, видимо, уже не нужные ни законному владельцу, ни тому, кто последним ими пользовался, торчали из замочной скважины. Никаких денег, ценностей и бумаг его недра не содержали. Он был абсолютно пуст.

– Стас, загляни для порядка в гостевую спальню. Вот только сердце мне вещует, что ничего для нас полезного мы там не обнаружим. Самое интересное, похоже, уже нашли... Татьяна Владимировна, вы знали о существовании этого сейфа?

– Да, конечно. Я и картину от пыли протирала, и его тоже.

– А Тимофей Олегович при вас его когда-нибудь открывал?

– Никогда, – отчаянно замотала головой женщина. – Сейф при мне всегда закрытым был. Неужели вы на меня думаете?

– Никто на вас ничего не думает, – успокоил ее Гуров и перевел взгляд на вернувшегося Крячко.

– Ничего интересного – чистота и порядок, – доложил тот и подошел к сейфу. – Достойная игрушка. Как-то попадалась на глаза... Швейцарская моделька. Титан, два замка высшей степени сложности плюс код. Если еще и в стену надежно вмонтирован, выдержит и домушника, и «Муху», и РПГ-9. Только прямой наводкой из противотанковой двадцатьпятики можно взять.

– Увы, как видишь, открыли без пушки, – нахмурился Гуров. – Ну что, господа, осмотр закончен. Можно покинуть помещение. Завтра прошу к десяти ноль-ноль прибыть сюда. Будем делать обыск по полной программе. А вас приглашаем понятыми. Санкцию, надеюсь, к этому времени мы успеем получить. А теперь все на выход. Свет выключаем, входные двери закрываем и опечатываем. Стас, у тебя для опечатывания все есть? Тогда шагай, забирай из машины. Что случилось, молодой человек?

Последний вопрос относился к помощнику депутата. Он сидел на корточках и что-то разглядывал под кроватью.

– Что такое, Дмитрий? – переспросил Гуров. – Вы что-то увидели?

– А вон, посмотрите, там шприц использованный лежит и еще какая-то папка, – сообщил молодой человек.

Нагнувшись, Гуров рассмотрел то, что обнаружил Дмитрий.

У спинки кровати валялся пустой двухкубовый шприц с иглой. А у самой стены лежала раскрытая пластиковая папка средней толщины с прозрачными файлами, заполненными бумагами. Путь следования шприца под кровать проследить было трудно, а вот папочка с бумагами запросто могла туда попасть, выпав из сейфа и скользнув в прогал между стеной и кроватью.

Гуров развернул носовой платок, который держал в руках, и аккуратно постелил на пол у кровати. Потом встал на него коленями и, нагнувшись, как можно дальше засунул голову под кровать. Несколько секунд он провел в таком неудобном положении, рассматривая файл с воткнутым в него стандартным листом. Потом вытащил голову, встал на ноги и огладил помявшиеся на коленях брюки.

– Какие-то деловые записи. В них больше цифр, чем слов, – сообщил он Крячко. – Думаю, содержание папки на срочность раскрытия преступления вряд ли повлияет. А вот шприц, мне кажется, свеженький... Татьяна Владимировна, не подскажите: последнее время Тимофей Олегович ничем не болел?

– Да вроде нет, не болел, – растерянно покачала головой домработница.

– И шприцы выброшенные в мусоре вы никогда не замечали? – внимательно глядя на женщину, спросил Крячко. – Случайно когда-нибудь.

– Это вы про наркотики, что ли, говорите? Не кололся ли ими Тимофей Олегович? – догадалась женщина. – Да вы что? Как можно? Никогда ничего такого не было и быть не могло. Винцо, водочка – это бывало. Но какой же мужик без водочки-то... А то – наркотики! Тоже себе придумали.

– Все понятно, – подытожил речь домработницы Гуров. – Вопросов больше нет. Ну все, господа, двигаемся на выход.

Глава 4

Домработницу отпустили сразу, напомнив, чтобы к десяти утра она была здесь и открыла квартиру для обыска. Помощника депутата Гуров попросил ненадолго задержаться. Пока Крячко опечатывал двери квартиры полосками бумаги с печатями и росписями, Лев Иванович задал молодому человеку несколько интересующих его вопросов.

Об убийстве Зеленского-младшего Дмитрий узнал от его отца буквально за час до приезда сюда. Хотя у него и были свои срочные дела, от просьбы начальства, тем более такого, как Олег Эдуардович, отказаться было невозможно. С Тимом, как по-простому назвал убитого Дмитрий, он встречался не часто, хотя и пересекался с ним по работе. И дома бывал несколько раз, но только по делам – привозил или забирал документы, когда появлялась такая необходимость.

Гуров с удивлением услышал, что Тимофей Зеленский исполнял должность помощника депутата Зеленского-старшего. Правда, если Дмитрий был штатным сотрудником аппарата, Тимофей довольствовался скромной приставкой «добровольный» и денежное вознаграждение за свой труд не получал. Однако физиономия штатного помощника при сообщении сего факта вид имела весьма кислый, а в голосе звучали скептические нотки.

Воскресный синдром недовольства начальством помог Гурову услышать от молодого человека толстые намеки на тонкие и, естественно, не афишируемые стороны жизни и деятельности думских народных избранников. Дела эти, в принципе, великими тайнами ни для кого не являлись, хотя в приличном обществе говорить о них открыто было не принято. Лев Иванович без труда догадался, что речь идет о лоббировании необходимых законопроектов. Кому необходимых? Очень часто – не народу российскому и не одноименному государству... Ходил даже слух, что на Старой площади имеется некий неофициальный преискуронт с указанием перечня законодательных услуг и их стоимости. Но разве можно верить слухам?..

С буквально мальчишеской обидой помощник Дима сообщил, что как до утра строчить доклады, готовить записки и поправки, так всегда он... А вот лишь возникает вопрос переговоров о продвижении нужного закона, так в дело сразу вступает этот «доброволец».

– Вернее сказать – вступал... – несколько задумчиво завершил жалобы на жизнь Дмитрий.

Похоже, что трагическая кончина добровольного помощника Тима Зеленского неожиданно открыла перед официальным некие перспективы. И, судя по неустоявшимся еще морщинкам, собравшимся на лбу, эта мысль молодому человеку пришла в голову только сейчас и очень даже заинтересовала его.

Гуров договорился с Дмитрием, что он сам сообщит Зеленскому-старшему о завтрашнем обыске и что ему, вместо выполнения обязанностей помощника депутата, придется поработать понятым. У Льва Ивановича не было ни малейшего желания по любому поводу звонить господину депутату и испрашивать всемиловейшего разрешения на любой чих. Помощник ушел с нахмуренным челом. Похоже, крепко запала ему перспектива освоения освободившейся и, видимо, довольно хлебной вакансии переговорищика при дворе вице-спикера.

Сам Гуров также задумался над приоткрывшейся ему страничкой трудовой деятельности Тимофея Зеленского, ранее проходившего в протоколах сценаристом и режиссером ТВ. К тандему телевизионных должностей прибавилась еще одна неброская, но весьма значимая: добровольный помощник думского депутата, специализирующийся на лоббировании. В обеих сферах крутились немалые суммы и, вполне естественно, могли возникнуть некие конфликты из-за влияния на денежные потоки. Однако предположение, что убийство Тима

произошло на почве телевизионных или думских разборок, к сердцу Льву Ивановичу как-то не ложилось.

И совсем не потому, что они не могли быть. Могли! Вот только произошедшее преступление по форме и по следующим за ним событиям и шагам убийцы, скорее, напоминало банальный гоп-стоп с дальнейшей экспроприацией дензнаков из банкомата и домашнего сейфа. И еще «наган» этот дурацкий и временной промежуток между выстрелами...

Для разборок в высоких политических и телевизионных кругах подобные топорные методы не очень годились. Хотя, как знать... Принадлежность к бомонду или политтусовке совсем не определяет культуру совершения преступления. Так что ни от одной из версий отказываться было нельзя. Вот только никаких достойных предположений на ум Гурову не приходило. Лишь копились и копились факты и улики, которые не открывали ничего, а только собирались в бессмысленный ком.

Гуров взглянул на часы и удрученно покачал головой. На премьеру спектакля, где сегодня играла Мария, он безнадежно опаздывал.

Лев Иванович достал мобильник и набрал номер. Несколько звонков прошло вхолостую – телефон абонента был занят. Наконец в трубке послышался голос Веселова. Капитан доложил, что машину Зеленского еще не обнаружили, а на телевидении, в студии, где шла его программа «Корень жизни», сегодня, увы, выходной.

Крячко закончил опечатывать двери и, любуясь на свою работу, платком оттирал руки. Гуров еще раз глянул на часы и определил, что минут примерно сорок у него в запасе имеется. А следовательно, есть время поучаствовать в опросе жителей подъезда, а не взваливать эту задачу на плечи одного Стаса.

Отправив Станислава на верхний шестой этаж, чтобы тот шел сверху вниз, сам отправился на первый. На каждой лестничной площадке располагалось всего по две квартиры. В сравнении с архитектурой более поздних периодов соцреализма такая компоновка казалась несколько непривычной. Однако размеры уже обследованной жилплощади Зеленского подтверждали, что большего числа квартир на этаже поместиться и не могло. Этот факт радовал сыщика.

Первый этаж был пройден безрезультатно. В одной квартире на звонки Гурова никто не откликнулся. Дверь второй открыла томная блондинка неопределенного возраста в бигудях и ярком атласном халате с драконами. Любезно и загадочно улыбаясь представителю мужчине, она сообщила, что ничего не видела и вообще не знает, о ком идет речь, потому что живет здесь совсем недавно. Может, когда-то и встречала его в подъезде, но внимания не обращала, потому как ни Зеленский, ни остальные соседи по дому ее совершенно не интересуют. При этом она старательно строила глазки Гурову. Когда же он, не ответив взаимностью, поблагодарил за столь содержательный ответ и двинулся дальше, приятная во всех отношениях дама пробормотала в спину что-то типа «А пошел ты...» и громко захлопнула дверь.

На звонок в квартире на втором этаже долгое время никто не реагировал. Однако Гуров уходить не спешил. Ему запомнились кроткие глаза старушки, встретившиеся с его глазами, когда они собирались войти в дом. Прошло не меньше минуты, пока за дверью не послышалось слабое шевеление и стуки открываемой внутренней двери. Негромкий голос спросил:

– Кто там?

– Здравствуйте, я полковник Гуров из милиции. Можно вам задать несколько вопросов?

– Вообще-то, я никому не открываю, – после небольшой паузы ответил голос из-за двери. – Мои дети не разрешают мне это делать... Но, вероятно, именно вас я видела с Танечкой у подъезда. Думаю, что вы меня не обманываете и действительно являетесь работником милиции. Надеюсь к тому же, что у вас есть документы, удостоверяющие ваши полномочия. Думаю, Маша не станет меня сильно ругать.

Кто такая Маша, Гуров мог только догадываться. Вероятно, это была дочь, которая не разрешала открывать пожилой женщине дверь. С Танечкой было попроще. Похоже, собеседница хорошо знала домработницу Зеленского.

Замки неспешно прощелкали, и дверь отошла на ширину цепочки, ее удерживающей. Гуров достал удостоверение, открыл и поднес поближе к глазам старушки, осторожно выглянувшей в щелку меж косяком и дверью где-то на уровне его пояса.

– Гуров Лев Иванович, полковник... – водрузив на нос очки, почти по слогам прочитала она. – Прошу вас, проходите, господин полковник. Кажется, слово «товарищ» из обихода уже вышло. Маша, правда, говорила, что сейчас могут подделать любое удостоверение, однако вашему я верю. Точнее, даже не этому грозному документу, а, наверное, вам лично. Ваше лицо... Оно располагает.

Признание престарелой дамы по поводу своего лица Гуров принял с чувством глубокого удовлетворения, как говорил последний генсек, но без излишней гордости. Оперу приходится нередко перевоплощаться и надевать другие – более приятные, а иногда и совсем неприятные маски. Но сейчас он не играл, поэтому слова по поводу лица, которое располагает, можно было посчитать за комплимент. Хотя, если честно, Лев Иванович давно знал, что его облик и обхождение производят неизгладимое впечатление на женщин возраста старше пятидесяти, нередко именуемого бальзаковским.

Войдя, Гуров понял, почему ему пришлось опускать так низко свое удостоверение. Старушка сидела в кресле-каталке, с которой с трудом справлялась. Она попросила Льва Ивановича закрыть двери и, упираясь в колеса тоненькими сухонькими руками, стала разворачивать громоздкий аппарат в прихожей. Гуров поспешил ей на помощь и по указанию хозяйки повез кресло в столовую.

Квартира, в которую его пригласили, была точной копией квартиры Зеленского. Отличие состояло в том, что она не блистала слащавым лоском евроремонта, а несла на себе печать той эпохи, в которой жили люди, чьи имена были высечены на табличках на фасаде этого дома.

Тяжелые шторы, скрывающие двери и окна, обои с потускневшей и едва различимой позолотой, потемневшая мебель и лепные, в паутине трещин, потолки навевали грусть. И без сомнения, в гостиной стоит такой же старый роскошный рояль, как и в квартире двумя этажами выше, а дубовый паркет неровно стерт у самого порога. Возникло ощущение, что ты очутился в чужом и незнакомом мире, где никогда не жил, но почему-то помнишь его. Будто сознание на уровне клеток записало ту эпоху в память и сейчас, накладывая матрицы неясного прошлого на потертое настоящее, ищет совпадения и никак их не находит.

Гуров завез кресло со старушкой в столовую и поставил у овального дубового стола. Он мельком глянул в окно с низким подоконником. Оно выходило во двор, и, похоже, именно в него смотрела пожилая женщина, когда они встретились взглядами.

– Присаживайтесь, пожалуйста, Лев Иванович. Я правильно запомнила ваше имя? – уточнила дама и представилась сама: – Меня зовут Надеждой Сергеевной. Простите, Бога ради, что я не пригласила вас в гостиную. Там высокая ступенька, и с моим средством передвижения могут возникнуть определенные сложности.

– Ничего страшного, – улыбнулся Гуров. – Мне менее всего важен этикет, а более – результат.

– У вас, вероятно, есть какие-то вопросы ко мне? – спросила старушка.

– Да, Надежда Сергеевна. Мне хотелось бы узнать кое-что о вашем соседе с четвертого этажа Тимофее Зеленском, – сказал Гуров.

– Я так и думала. Вас встречала Танечка и еще этот молодой человек, который иногда, правда весьма и весьма редко, наезжал к господину Зеленскому. И вы все вместе подня-

лись наверх. С Тимофеем Олеговичем – я, кажется, не ошиблась с отчеством, – что-то случилось? – спросила пожилая дама и внимательно взглянула на собеседника.

– Да, случилось, – несколько замялся Гуров, но, решив не скрывать правды, признался: – Олег Тимофеевич погиб. И мне поручено расследовать его гибель. Разрешите не вдаваться в подробности.

– Да, конечно. Я все понимаю – тайна следствия. И меня вы не хотите волновать, а точнее – травмировать старческую психику, – сказала пожилая дама, и тонкая скептическая улыбка тронула бесцветные губы. – Не беспокойтесь, меня уже трудно чем-то расстроить или удивить.

Гуров внимательно всмотрелся в лицо женщины. Ее возраст определить было невозможно. Сколько же ей лет? Семьдесят, восемьдесят, девяносто?.. И она сумела сохранить не только ясность ума, в чем не было ни малейших сомнений, но и чувство иронии. Удивительная женщина!

– С Тимофеем Олеговичем мы не были знакомы. То небольшое, что мне о нем известно, я почерпнула со слов Танечки, его домработницы. Поэтому вам лучше всего узнать подробности от нее самой, как первоисточника. Она расскажет, ничего не утаивая и не привирая. Танечку я знаю практически с ее рождения. Очень добросовестная и честная женщина. И меня не забывает, иногда забегают, покупает продукты... Кстати, профессия домработницы в их семье наследственная. Ее мама помогала мне по хозяйству, когда нам в пятидесятом году дали квартиру в этом доме. До этого времени мы с мужем жили в комнате в коммунальной квартире, и надобности в домработнице не возникало. Здесь же такие огромные площади, а у меня как раз Маша родилась... А начало династии домработниц ведется с Таниной бабушки, которую перед Первой мировой войной привезли в Москву из ярославской деревни и определили в кухарки в дом присяжного поверенного... Вам, господин полковник, наверное, не очень интересно, о чем я рассказываю?

– Да что вы, Надежда Сергеевна, очень даже интересно, – ответил старушке Гуров. – Хотя, может, и не совсем по теме.

– Вы уж простите меня. Просто в старости появляется много свободного времени и случается слишком мало событий. Поэтому остатки сознания работают в основном на воспоминания, вновь и вновь перелистывая прожитое.

– Ну, я бы не сказал, что остатки сознания, – улыбнулся Гуров. – Я встречал людей намного моложе и, без всякого сомнения, глупее вас. И не так уж редко!

– Увы, не стоит меня утешать. Вся жизнь осталась в далеком прошлом. В реальности же существуют вот это кресло-каталка и окошко во двор, – печально улыбнулась женщина. – Да еще согревают воспоминания. Есть такие строчки из стихотворения, кажется, Евтушенко: «Старухи были знамениты тем, что их любили те, кто были знамениты». Так это про меня.

Гуров вспомнил о галерее мемориальных досок на фасаде дома и рассказ домработницы о профессоре, когда-то жившем в квартире Тимофея Зеленского. Видимо, муж Надежды Сергеевны принадлежал к той же славной когорте сталинских академиков, полководцев и деятелей культуры. И, возможно, одна из мраморных табличек посвящена ему.

– Так что, Лев Иванович, уж извините, о господине Зеленском я вам если и подскажу, то совсем немного. Лишь то, что можно разглядеть из этого окошка.

– Надежда Сергеевна, я как раз и хотел вас расспросить о том, что вы могли заметить именно из окна. Вчера где-то около семи часов вечера вы случайно не видели во дворе Тимофея Зеленского? – спросил Гуров.

Женщина задумалась, потом поднесла к губам указательный палец, словно запрещая сыщику говорить, и прикрыла глаза. Лев Иванович с надеждой смотрел на покрытое морщинами спокойное лицо той, которая любила того, кто был знаменитым. Он попробовал

представить ее в молодости и понял, что Надежда Сергеевна была когда-то очень красива, и тот, кто был знаменит, без сомнения, любил эту замечательную женщину.

– Вчера вечером я видела Тимофея Олеговича дважды, – открыв глаза, сообщила она. – Примерно в шесть часов он приехал на своей машине.

– На темно-синей «Ауди»? – сразу уточнил Гуров. – И он приехал один?

– Я не очень разбираюсь в марках, но цвет его автомобиля действительно темно-синий, – подтвердила женщина. – Правда, было шесть вечера, и уже спустились сумерки, однако вряд ли я ошибаюсь. Зеленский был один. Автомобиль он оставил рядом с первым подъездом, почти на выезде со двора, и я сделала вывод, что он еще куда-то поедет.

– Почему вы так решили? – спросил Гуров.

– У нас во дворе не так уж много места для размещения автомобилей. Их владельцы договорились между собой и распределили, где и чье место стоянки. Правда, если соседи уже запарковали машины впереди и сзади, заехать и поставить свою, а потом выехать – задача не из легких. А поскольку Зеленский не стал мучиться, а оставил машину на въезде, значит, он собрался еще куда-то отправиться, – пояснила Гурову женщина. – Я, надеюсь, права?

– Абсолютно правы, – усмехнулся Лев Иванович, который испытывал точно такие же проблемы с парковкой.

– Он поставил машину и вошел в подъезд. Минут примерно час или чуть больше... – женщина задумалась. – Да не примерно, а совершенно точно. Без пяти минут семь он вновь появился во дворе.

– Вы так хорошо запомнили время? – удивился Гуров.

– Я всегда в этот час жду Машу. Она работает до шести, потом едет на метро, заходит в гастроном на углу и около семи или в начале восьмого возвращается домой. Так вот вчера, как раз когда Маша вошла во двор, Тимофей Олегович подошел к своей машине. И я именно в это время взглянула на часы, – Надежда Сергеевна подняла глаза на настенные ходики в роскошном палисандровом корпусе. – Вот на эти.

– Вы ничего не перепутали? – осторожно спросил Гуров. – Вчера была суббота. Ваша дочь работает по субботам?

– Увы, трудится и по субботам. Ее институт успешно почил в бозе где-то в девяносто седьмом году, и сейчас она вынуждена заниматься торговлей. Кандидат физических наук, без пяти минут доктор, самым банальным образом торгует на рынке китайским ширпотребом, – сообщила Гурову Надежда Сергеевна. – А Николай Ильич стезю главного инженера проекта поменял на более хлебное место механика станции технического обслуживания автомобилей. И, говорят, его весьма ценят и в этом качестве.

– Николай Ильич – это кто? – осторожно осведомился Гуров.

– Муж Машеньки, мой зять. Они сегодня с Олечкой и Женей отправились на дачу. Готовят ее к зиме – укрывают деревья, кусты. Вот только погода подкачала.

Кто такие Олечка и Женя, Лев Иванович уточнять не стал. Лишь предположил, что это дети Машеньки и, соответственно, внуки Надежды Сергеевны.

– Надежда Сергеевна, а вы видели, как Зеленский садился в машину? – спросил Гуров.

– Да, видела, – коротко ответила старушка, вызвав у Гурова внутренний трепет. Он, будто легавая, почуявшая дичь, сделал стойку. Надежда Сергеевна продолжила: – И скажу сразу, что Зеленский у машины был не один. Когда Тимофей Олегович открыл дверцу машины, от первого подъезда к нему быстрым шагом подошел мужчина.

– Они с ним здоровались, говорили, может, дрались? – нетерпеливо задал наводящие вопросы Гуров.

– Подождите, – старушка приложила кончики пальцев к вискам и опять прикрыла глаза. Гуров молчал, боясь помешать ей воспроизвести в памяти картину произошедшего. –

Мне показалось немного странным, но я вчера не придавала этому значения. Тот мужчина приблизился к Зеленскому со спины вплотную, почти прижался к нему. А Олег Тимофеевич застыл, не оборачиваясь, как-то нарочито странно, словно тот человек говорил что-то очень важное, а Зеленский замороженно слушал его. Примерно секунд десять они были в зоне моего внимания, пока я не отвлеклась. И все это время они так и стояли: незнакомец за спиной Зеленского, так и не повернувшего к нему головы. И это напряжение в застывших позах... Да, именно напряжение – я только сейчас это поняла. Может быть, то, что я вам рассказала – излишне экзальтированное восприятие увиденного, спровоцированное вашим посещением, однако мне кажется, что так все и происходило, – словно извиняясь, сказала Надежда Сергеевна.

– Что было потом? Что вы видели? – спросил Гуров.

– Увы, больше ничего, – чуть виновато улыбнулась старушка и пожала плечами. – Я поехала открывать дверь Машеньке.

– А вы помните, как выглядел этот человек, во что одет был? – с надеждой спросил Лев Иванович. – Может быть, вы его видели раньше?

– Было довольно темно, хотя и светил фонарь на углу. И я больше смотрела на Машу. Раньше этого человека я никогда не видела, иначе бы запомнила. Не по лицу – его не было видно в сумраке. Его походка... Некая закрепошенность спины, и от этого – осторожность в движениях, какая-то деревянность... Худощавый, ростом примерно такой же, как и Тимофей Олегович. А во что одет? – Надежда Сергеевна на секунду задумалась. – Одет этот человек был очень просто: в темные брюки, может, даже джинсы, также в темную – черную или синюю – короткую куртку, точно не кожаную. А на голове у него была такая кургузая темная вязаная шапочка, которую нынче носит молодежь. Некрасиво...

– Что некрасиво? – встрепенулся Гуров.

– Да шапочки эти вязаные, – поморщилась старушка. – Всегда были женским предметом одежды, но сейчас все так перепуталось. Раньше подобные одевали только на лыжные прогулки. Вот, пожалуй, и все, что я могу вам сообщить.

– Итак, подводим итог, – сказал Гуров и, концентрируясь, потер пальцем переносицу. – Когда Зеленский вышел из дома к машине, от первого подъезда к нему подошел незнакомый вам человек. Он был одет во все темное – неброскую куртку и брюки, возможно, джинсы. На голове – облегающая вязаная шапочка. Отличительная примета: некоторая ограниченность в движениях, возможно, связанная с травмой или заболеванием позвоночника. Этот человек подошел со спины вплотную к Зеленскому и примерно десять секунд, пока вы наблюдали за ними, они положения не поменяли. И Тимофей Олегович все это время голову к незнакомцу не поворачивал. По вашим ощущениям, в их позах было что-то неестественное, напряженное... Я все правильно рассказал?

– Да, все так и было, – склонила голову Надежда Сергеевна. – Больше мне нечего добавить.

– А вообще к Зеленскому часто приезжали посторонние? – спросил Гуров. – Вы бы их могли узнать?

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Если люди заходят в наш подъезд, определить, к кому в гости они следуют, право же, трудно. Только если Тимофей Олегович появлялся с кем-то во дворе... Вот и про молодого человека, который сегодня был с вами, я бы ничего не сказала, хотя он несколько раз приезжал сюда. Просто однажды я увидела, как Зеленский ходил под окнами, часто смотрел на часы – явно нервничал. А потом подъехала машина, из нее выскочил этот юноша и передал ему какие-то бумаги. Так я его и запомнила, – сказала Надежда Сергеевна.

– Ну что же, спасибо, – поблагодарил старушку Гуров. – И вот моя визитка. Если вы вспомните что-то важное или вдруг заметите подозрительное – немедленно звоните.

– То, что я вам рассказала, важно? – серьезно спросила старушка.

– Очень важно, – кивнул головой Лев Иванович. – В деле появилась отправная точка. Вот, пожалуй, все, что я могу вам сказать.

– Я понимаю: тайна следствия... – строго поджала губы Надежда Сергеевна. – Успехов вам, господин полковник!

Когда за Гуровым захлопнулась дверь, он подумал, что с великим удовольствием раскрыл бы внимательной и приятной во всех отношениях старушке любые тайны следствия, вот только открывать пока было нечего. Ее рассказ лишь подтвердил одну из догадок, что Тимофей Зеленский уже от дома уехал со своим убийцей. Хотя и это не была истина в последней инстанции, а лишь связанное реальными фактами предположение.

С третьего этажа спустился Крячко. Еще на лестнице, встретив глазами вопросительный взгляд Гурова, он отрицательно качнул головой.

– Ничего толкового. В двух квартирах на звонки не ответили, а остальные не видели, не слышали, не знают. Правда, тетка стержовная на пятом этаже малость позлорадствовала, услышав о случившемся. Сказала наставительно, что меньше с черными надо было Тиму водиться, – сообщил результаты обхода Стас.

– Это с какими черными? С неграми, что ли? – удивился Гуров.

– Она сама не знает с кем, но не с неграми – точно. То ли с кавказцами, то ли со среднеазиатами, а может, и с какими забугорными смуглявыми ребятишками наш Тимоша имел дела. Говорит, один-два раза в месяц они к нему наезжали. Всегда на крутой машине, с охраной, и в прикиде с иголочки, – сообщил добытые сведения Станислав.

– Эту информацию нам пока пристегнуть не к чему, – пожал плечами Гуров. – Оставим ее в разделе «к сведению». А я вот какие крупницы добыл...

Гуров пересказал Крячко все то, что он узнал от Надежды Сергеевны. Реакция Стаса была предсказуемой:

– Классные приметы: штаны, куртка, шапка и больная спина. Таких мужиков по Москве через два на третьего, не считая первого. В общем, Лева, крепись. Еще десять тысяч ведер – и золотой ключик у нас в кармане.

Гуров со Станиславом был согласен в полной мере. И помимо вычерпывания бездонного пруда, сердце ему подсказывало, что обещанной генералом Орловым клизмы с граммофонными иглками не избежать. И данная процедура, похоже, обещала стать ежедневной и привычной, пока они не найдут убийцу Зеленского. Утешало, что и генерала сия участь не минует, а качество клизмы будет, пожалуй, позабористей, в соответствии с рангами вышестоящих кабинетов-процедурных.

Взглянув на часы, Гуров понял, что безнадежно опаздывает на премьеру. Оставив Станислава на обход остальных подъездов и получив за это в свой адрес несколько нелюбезных сравнений, уже в машине он позвонил в управление Веселову. У капитана особых новостей не было, что и огорчало, и радовало. Огорчало, что их нет, а радовало, что все-таки он попадет в театр.

На спектакль Гуров успел. Правда, уже к его окончанию. Но даже по последним сценам была видна блестящая игра Марии. Ее мамаша Кураж восхитила всех. Гром аплодисментов, возгласы «браво» и горы цветов у ног жены дали Льву Ивановичу надежду, что сегодня он будет прощен. Это же подтвердил усталый, однако благодарный взгляд, когда Гуров в грифельной подарил ей букет хризантем и прошептал на ушко:

– Сегодня ты была восхитительна!

И уже дома, приняв ванну перед сном, Мария припомнила эти слова и лукаво спросила:

– Значит, восхитительна я была только сегодня в театре?

Глава 5

Понедельник, обещавший быть для Гурова не просто тяжелым, а неподъемным, оказался еще и очень длинным. В половине второго ночи его разбудил телефонный звонок. Дежурный по управлению сообщил, что гражданка Калмыкова Надежда Сергеевна через номер 02 разыскивает полковника Гурова для передачи ему срочного сообщения.

Спросонья Лев Иванович некоторое время не мог понять, зачем он ночью понадобился некоей незнакомой гражданке Калмыковой. Однако, сфокусировавшись на имени-отчестве понял, что его ищет приятная во всех отношениях соседка Зеленского со второго этажа. Дежурный продиктовал Гурову номер телефона, с которого звонила старушка.

Гуров оглянулся на спящую Марию. Поздний звонок и переговоры с дежурным ее не разбудили. Видимо, на премьерном спектакле было потрачено столько сил и нервной энергии, что такие пустяки Марию не беспокоили. Накинув на плечи халат, Гуров подхватил трубку радиотелефона и, покачиваясь на ходу, еще полусонный, отправился на кухню.

Надежда Сергеевна ответила мгновенно, прервав на половине зуммер прошедшего к ней звонка. Голос ее был тревожен и сух:

– Лев Иванович, вы просили позвонить, если я замечу что-то подозрительное. По номерам в визитке я не дозвонилась и пришлось разыскивать вас через номер милиции 02...

– Что произошло, Надежда Сергеевна? – нетерпеливо прервал ее Гуров.

– Мне сегодня не спалось... Хотя чего я зря болтаю о себе! В общем, примерно десять минут назад во двор заехала машина. Из нее вышли три человека и направились в наш подъезд. Я их видела раньше несколько раз, причем дважды – вместе с Тимофеем Олеговичем, – сообщила старушка. – Номер машины на всякий случай я записала. Диктую...

– Большое спасибо, Надежда Сергеевна! – запомнив цифры и буквы несколько странного номера, поблагодарил ее Гуров. – Извините, прерываю разговор, надо спешить. И так, как вы говорите, уже десять минут прошло...

Он быстро набрал дежурного и продиктовал адрес дома на Сушевке и квартиру Зеленского, а также номер автомобиля ночных гостей. До прибытия на место опергруппы Лев Иванович попросил организовать блокирование квартала силами экипажей патрульно-постовых машин. Причем без всяких сирен, мигалок и бряцания оружием. Во двор не лезть, а вот если упомянутая машина из него будет выезжать, ее задержать, но никаких действий без оперативной группы не производить.

Капитана Веселова Лев Иванович инструктировал уже на ходу, когда тот с опергруппой выезжал к дому Зеленского. Удачно получилось, что именно он сегодня дежурил. Заодно, чтобы не скучать одному, сыщик поднял с постели Крячко и Гойду.

Скоро одевшись, Гуров выскочил во двор и завел свой «Пежо». Снег ночью не шел, и сгрести с машины сугроб не пришлось. Уже на подъезде к дому Зеленского в кармане куртки ожил и запиликал мобильник. Веселов доложил, что трое неизвестных задержаны в квартире и еще один – в машине. Потом капитан немного замялся и сообщил, что в процессе работы возникли некоторые сложности дипломатического порядка.

Довольный результатом Гуров не совсем понял, о чем говорит Веселов. Он бодро проговорил в трубку, что уже через пару минут прибудет и на месте разберется со всей дипломатией, и не только с ней.

Два экипажа ППС контролировали въезд во двор. Проверив документы, сержант козырнул и пропустил машину полковника. Рядом с «УАЗом» и «Фордом» патрульных стояла знакомая омововская «Газель» с поцарапанным боком.

«Молодчина, Веселов, подстраховался группой захвата», – удовлетворенно отметил Гуров.

Завернув за угол, Лев Иванович фарами осветил заблокированный автомобилем опергруппы «Вольво» представительского класса. Двое верзил в камуфляже с короткоствольными «АКСУ» наперевес стояли справа и слева у его дверей. Проникавший в салон машины свет от фонаря, к удивлению Гурова, выдавал силуэт спокойно сидевшего за рулем человека.

По всем милицейским канонам этот гражданин должен был сейчас находиться в образе буквы «Г», уткнувшись носом в капот и широко расставив ноги. И при этом испытывать определенные физические и моральные неудобства. Физические – от самого положения, а также случайного соприкосновения рантованного форменного ботинка с его спиной в области почек. А моральные – от искреннего раскаяния и горьких перспектив своей незавидной судьбушки.

Странно, но никто из присутствующих стражей порядка не рвался крушить прикладом лобовое стекло, выламывать двери и тащить из салона непокорного. Это несоответствие несколько насторожило Льва Ивановича. Никакого праздника с выставлением почетного караула омонцовцев на сегодня вроде не намечалось, да и «Вольво» на мемориал героям-милиционерам явно не походил.

От подъезда навстречу Гурову шагнула фигура в штатском. Лев Иванович узнал знакомого молодого оперативника из соседнего отдела, видимо, тоже сегодня дежурившего вместе с Веселовым. Поздоровавшись, Гуров повел подбородком в сторону машины:

– А что не выковыриваем болезного из банки?

– Номера... – коротко ответил опер. – Из машины с такими красивыми красными номерами выковыривать непросто.

– Не понял, с какими красивыми номерами? – удивился Гуров и припомнил, что цифры и буквы, продиктованные по телефону Надеждой Сергеевной, сразу показались ему странными. Как и слова Веселова о сложностях дипломатического порядка. – Только этого нам не хватало...

Лев Иванович пригляделся и действительно в свете фонаря разглядел красный цвет заднего номера «Вольво».

– И еще наверху в квартире один кадр размахивает солидной корочкой и кричит, что он является советником таджикского посольства и, в соответствии с нормами мирового права, обладает дипломатической неприкосновенностью, – сообщил оперативник.

– А двое, что с ним задержаны, тоже страшными ксивами машут и посла требуют? – спросил Гуров.

– Да нет, те поспокойнее и, похоже, без дипломатического прикрытия. Ведут себя прилично, хотя глаза так и бегают по сторонам. Один явно из крутых – через губу, надменно так, выдал, что без адвоката разговаривать не будет. А второй попроще будет. Видимо, из охранников, но с квалификацией. При нем «вальтер» обнаружили, правда, с разрешением, и набор отмычек, которыми, похоже, вскрывали квартиру.

– Н-да, сюрприз, однако, – покачал головой Гуров. – И что, все задержанные таджики?

– А кто их знает? – пожал плечами оперативник. – Ребята смуглявые, невысокие и черноволосые – явно не эстонцы. Их документы у Веселова, он лучше подскажет.

Судя по приметам, квартиру Зеленского решили навестить те самые «черные» ребята, о которых в беседе с Крячко поминала стержовная тетка с пятого этажа. Но это проверить легко. Надо только провести опознание. И Надежда Сергеевна сказала, что видела их раньше с Зеленским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.